

МЯТЕЖ ДЕКАБРИСТОВ

Автор: И. В. ВОЛКОВА

(В сравнении с дворцовыми переворотами в России и военными революциями в странах Западной Европы)

Декабристскому движению посвящен огромный массив научной литературы. Но и в изучении этой темы до сих пор имеются белые пятна. Отсутствуют исчерпывающие ответы на фундаментальный вопрос: как соотносится декабристское выступление с традицией дворцовых переворотов XVIII в. и с опытом современных ему военных революций в странах Западной Европы?

Как известно, ни группы заговорщиков, устраивавших дворцовые перевороты в России XVIII в., ни мятежные братства, организовывавшие военные революции XIX в. на Западе, не были эталоном для декабристов. В выгодную сторону от деятелей XVIII в. их отличала устремленность в лучшее будущее, тщательная разработка проектов преобразований, открытый характер политического выступления. Дворянские оппозиционеры не считали себя преемниками тех военно-политических группировок, которые предпринимали атаки на власть в XVIII в. По словам М. Лунина, "тайный союз не мог ни одобрять, ни желать дворцовых революций, ибо таковые предприятия даже под руководством преемников престола не приносят у нас никакой пользы и несовместны с началами, которые союз огласил и в которых заключается его могущество" [Мемуары... 1981, с. 285].

Тем не менее на почерк декабризма все же наложили отпечаток определенные черты дворцовых "заговорщиков". Вплоть до междуцарствия 27 ноября-14 декабря 1825 г. многие участники тайных обществ - в большинстве своем обер-офицеры - рассматривали свое в них членство под углом зрения сугубого прагматизма. Для них это была возможность обретения полезных связей и удобной площадки для дальнейшего карьерного роста при протекции старших по чину соратников. При наличии таких ожиданий многим было суждено испытать сильнейшее разочарование на завершающем этапе движения. Лучшее всего это крушение честолюбивых надежд выразил В. Штейнгель: "думал дожидаться почестей - выждал лишения всего" [Мемуары... 1981, с. 206]. Парадигма патронажно-клиентарного образа мыслей и действия, характерная для групп дворцовых заговоров XVIII в., проявилась и в сложных комбинациях, рассчитанных на привлечение высоких персон из правительственного лагеря. Неформальные связи с такими деятелями служили неплохой рекламой движения. Ссылки на поддержку сильных мира сего со стороны членов тайных обществ являлись подспорьем в вербовке новых сторонников движения.

Например, одним из серьезнейших аргументов для Общества соединенных славян, решившего присоединиться к Южному обществу, стала информация М. Бестужева-Рюмина о списочном составе "южан". В нем фигурировали громкие имена, включая генералов Н. Раевского, М. Орлова, П. Киселева, которые на самом деле никогда не входи-

В о л к о в а Ирина Владимировна - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Государственного университета - Высшей школы экономики.

ли в Южное общество. Однако один из лидеров Васильевской управы общества сознательно пошел на подлог, который позволял быстро, без лишних потоков красноречия, завербовать новых членов. Вслед за тем состоялась презентация реальных полковых командиров, из входящих в Васильевскую управу Южного общества (Арт. Муравьева, В. Тизенгаузена, И. Повало-Швейковского) и некоторых других штаб-офицеров, внушавших подобострастное почтение скромным армейским офицерам-"славянам" [Восстание... 1980, с. 43; Киянская, 2000, с. 10].

Магии больших чинов и титулов поддавались отнюдь не только периферийные участники движения. Возможность получить выход на высокопоставленных чиновников неотразимо действовала даже на искусственных предводителей Северного общества. Именно этот мотив определил прием в организацию в 1825 г. подполковника Г. Батенькова, идейно чуждого большинству декабристского круга, зато тесно связанного с М. Сперанским: их близкое знакомство завязалось во время пребывания в Сибири в 1819 г. опального российского реформатора. В конечном итоге от такой односторонней заинтересованности в кандидате пострадали сами же старые члены организации. Именно Батеньков - прирожденный мистификатор - внес элемент лицемерной игры в атмосферу общества. Используя легенду о своем посредничестве между тайным обществом и сановниками из Государственного совета, он сумел оказать на товарищей в серьезном тактическом вопросе. По его настоянию к готовому плану восстания была принята существенная поправка: после обнародования Манифеста о перемене правления в России восставшие войска предстояло отвести из столицы к Пулковским высотам. Как уверял Батеньков, именно это требование продиктовали первые лица Империи в обмен на свое признание факта революции [Мемуары... 1981, с. 70]. Беззастенчивый блеф Батенькова приняли за чистую монету только потому, что большинство декабристов были искренне готовы обманываться на счет своих отношений с правящей элитой.

Деловые и личные связи представителей этого слоя со многими участниками движения и даже снисходительное отношение к проступкам молодых фрондеров по службе [Экшут, 1994, с. 103 - 107] рассматривались самими декабристами под углом зрения отработки прочного союза. Лидеры декабризма были настроены на скорейшую легализацию этих связей посредством кооптации ряда таких лиц (М. Сперанского, Н. Мордвинова, А. Ермолова, П. Киселева) в состав намеченного после победы восстания Временного революционного правления [Семенова, 1982, с. 7 - 9]. Однако реальные события вскоре показали тщетность надежд на помощь со стороны титулованных сановников. Последние в ходе восстания проявили лишь дружественный нейтралитет. А в ходе следствия и вынесения приговора (может быть, за исключением Н. Мордвинова) не попытались даже смягчить участи "государственных преступников".

Стереотипы дворцовых переворотов довели над декабристским сообществом и в других областях деятельности, в частности в решении вопроса об организации власти в послереволюционный период. Как известно, декабристская мысль постоянно колебалась между требованием "Республики без лишних фраз" (слова Н. Тургенева на Петербургском совещании Коренной управы Союза благоденствия в 1820 г.) и требованием конституционной монархии с вытекающей отсюда готовностью поддержать конкретного представителя правящего дома. В том же 1820 г. полковник Ф. Глинка выступил с предложением вручить скипетр императрице Елизавете Алексеевне в случае отстранения Александра I от власти. Несмотря на то, что эта идея тогда не встретила поддержки большинства, периодически она всплывала и позднее [Восстание... 1980, с. 31]. Даже в период междуцарствия Штейнгель и Батеньков снова агитировали товарищей за кандидатуру вдовы Александра I [Мемуары... 1981, с. 207].

Впрочем, вплоть до ноября 1825 г. члены тайных обществ не списывали со счетов и самого Александра I. Даже после того, как в 1820 г, как будто был сделан выбор в пользу республиканской формы правления, не исключалась возможность полного снятия этого требования при определенном условии: "Ежели сам Государь подарит Отечество твердыми законами и положительно постоянным порядком дел, то мы тогда вернейшие его будем приверженцы и оберегатели" [Восстание... 1980, с. 31]. Надежды на возоб-

новление либерального курса монархии подтачивали радикализм даже самого нестигаемого из дворянских революционеров - П. Пестеля. Осенью 1825 г. он всерьез обдумывал план заключения своеобразной сделки с царем: в обмен на собственную явку с повинной добиться монарших гарантий на введение конституционного образа правления [Рудницкая, 2001, с. 99]. Таким образом, в декабристских построениях и Александр I, и его супруга при определенных обстоятельствах располагали серьезным шансом остаться у государственного руля.

Третьей кандидатурой, на которую делали ставку декабристы, был цесаревич Константин Павлович. После присяги ему 27 ноября многие стали склоняться к тому, чтобы свернуть конспиративную деятельность и в течение двух-трех лет константиновского правления продвинуться в должности, влияющие на государственные дела [Гордин, 1985, с. 49]. Очевидно, не слишком рассчитывая на конституционные наклонности этого возможного императора, участники тайных обществ все же верили в его способность дать ход проектам либерального толка. Накануне восстания декабристы рассматривали и такой сценарий развития событий, как вывод революционного войска из Петербурга в окрестности для торжественной встречи Константина, если тот надумает все же принять корону [Восстание... 1980, с. 53].

Наконец, четвертым претендентом на роль державного лидера - ставленника революционных сил в декабристском раскладе фигурировал... Николай Павлович. По свидетельству И. Якушкина, принятый в тайное общество летом 1821 г. П. Чаадаев сожалел о некоторой запоздалости этого шага: будь он принят раньше, когда состоял на военной службе, то постарался бы попасть в адъютанты к великому князю Николаю Павловичу. Чаадаев охотно допускал, что тот "покровительствовал бы под рукой тайное общество, если бы ему внушить, что это общество может быть для него опорой в случае восшествия на престол старшего брата" [Верные... 1982, с. 83]. Несмотря на то, что эта мысль принадлежала человеку с коротким членским стажем в тайном обществе (вскоре Чаадаев отошел от его дел, а восстание 14 декабря резко осудил), она не была столь уж экстравагантна даже с точки зрения более опытных оппозиционеров. Во всяком случае, и их прогноз событий в преддверии 14 декабря строился на ожиданиях компромисса с молодым царем.

Около 6 - 7 декабря участники тайных совещаний внесли изменения в план боевой операции, принятый ранее по предложению С. Трубецкого. Вместо захвата дворца, Сената, Петропавловской крепости и арсенала, ареста царской семьи и предъявления ультиматума правительственным чиновникам теперь предполагалось отвести войска к Пулковским высотам, откуда предстояло вступить в переговоры с Николаем I [Гордин... 1985, с. 83]. Таким образом, из объекта революционного насилия фигура наследника все более перекалифицировалась в субъект политического состязания: если в первоначальном замысле Трубецкого царь выключался из политической борьбы с начала восстания, то в более поздней "коллективной" редакции он оставался значимой величиной в раскладе сил до окончания революционного процесса. Презумпцией данного плана являлось признание за ним политической воли и права на реагирование. Техника завершения переворота в этой системе координат строилась на достижении психологического перевеса: вначале за счет внушительной демонстрации революционных сил следовало сковать сопротивление Николая I, а затем с помощью убеждения, торга, взаимного компромисса добиться от него нужных политических решений.

Окончательно план наступательной операции был похоронен непосредственно перед сбором войска для присяги Николаю I ранним утром 14 декабря. А. Якубович и А. Булатов отказались от захвата Зимнего и ареста царской семьи, а П. Каховский - от убийства царя, к которому его склонили накануне несколько товарищей. В этих условиях борьба за устранение Николая бесповоротно превращалась в борьбу за его нейтрализацию. Более того, соглашение с царем становилось базовым условием всего последующего переустройства общества. Живой законный царь оставался бы фактором наибольшего косвенного влияния на формирование нового политического порядка, которое в программе декабристов возлагалось на Великий Собор - постреволюционное учреди-

тельное собрание. По существу, такой поворот событий почти однозначно подводил бы участников Собора к конституционной монархии, которую надлежало октроировать царю. Таким образом, и на финишной прямой декабристское движение постоянно сбивалось с курса радикальной социально-политической революции и устремлялось на путь, проложенный дворцовыми заговорщиками, - политическое действие через институт монархии и его легитимных представителей.

Кроме того, генетическое сходство с некоторыми группами дворцовых заговорщиков прослеживалось в тактике действий мятежников на Сенатской площади. Как известно, первые дворцовые перевороты XVIII в. строились на убедительной игре мускулов, вынуждавшей более слабые группировки признать свою капитуляцию (И. Бутурлин и А. Меншиков в 1725 г. организовали внушительное военное дефиле под окнами дворца и тем самым заставили своих оппонентов признать права на корону за Екатериной I; Анна Иоанновна также умело использовала гвардейский "аргумент" для срыва планов "верховников"). И тогда, и в 1825 г. на Сенатской площади средством достижения целей был выбран позиционный нажим - тактика, которая применяется в сложных случаях кооперативной (сотруднической) практики.

Ее смысл состоит в создании такой ситуации, когда одна сторона понуждает другую пойти на уступки. Невзирая на безапелляционный, почти ультимативный язык диалога, данный способ действий нацелен не на разрыв, а на развитие отношений [Фишер, Юри, 1998, с. 202 - 206]. В то же время эта метода уже была абсолютно чужда дворцовым заговорщикам образца 1740 - 1801 гг., изначально пытавшимся силовым приемом выбить из седла политического противника и сходу завладеть стратегической инициативой. Однако декабристы не ориентировались на этот круг. Идея царубийства - "непременный элемент российского политического мышления", по определению Я. Гордина, - не проросла в декабризме в последовательную установку [Гордин... 1985, с. 13]. Периодически вспыхивая то в Московском заговоре 1817 г., то в замысле террористических актов во время смотра войск под Бобруйском или Белой Церковью, эта идея, однако, не получила практической реализации. Характерно, что ни Каховский, ни Булатов, ни Н. Панов, имевшие во время восстания хороший шанс разрядить запас пуль в Николая I, не сделали этого. Идеологическое удаление декабристов от дворцовых заговорщиков не привело к полному отрыву от них в способах организации своих сил и тактике по отношению к легитимным носителям власти. Однако из всего наработанного предшественниками опыта декабристы выбрали те схемы действий, которые восходили к ранним, еще относительно щадящим для политического противника приемам борьбы.

* * *

20-е годы XIX в. были ознаменованы военными революциями на Пиренеях и Апеннингах. Они начинались как локальные военные манифестации младших и средних офицеров отдельных военных частей. Продвижение изначально небольших отрядов сопровождалось последовательным присоединением к ним новых воинских подразделений и ширящимся фронтом социальной поддержки. Так, на второй день после выступления батальона полковника испанской армии Р. Риего-и-Нуньеса в январе 1820 г. к нему присоединился со своим полком А. Кирога, в марте на сторону повстанцев перешла армия во главе с генералом Абисбалом и большая часть королевской гвардии.

Точно так же "каскадная" революция с нарастающим притоком сторонников в 1820- 1821 гг. опрокинула прогнившие монархические режимы в Италии. Начав свое шествие из маленького городка Нола на юге Апеннин, повстанческий отряд из карбонариев и младших офицеров местного гарнизона по мере приближения к столице Королевства Обеих Сицилии становился все более грозной силой. А на заключительном этапе к нему примкнул один из наиболее влиятельных мюратистских генералов - Г. Пепе и даже посланные на подавление мятежа войска под командованием генерала Карраскоза. Этот выбор уже не позволял правящему лагерю контролировать ситуацию.

В этих событиях впервые была апробирована технология куартелазо - казарменного военного переворота. В хронологической последовательности его проведение распалось на следующие этапы:

- *trabajos*, или аккуратный зондаж общественного мнения;
- *compromisos*, или заключение соглашения между участниками;
- восстание единичного гарнизона или казармы;
- *pronunciamento*, или оглашение целей повстанцев;
- марш через периферийные пункты к столице; либо захват главных узлов связи, центров массовой коммуникации и правительственных зданий в столице;
- объявление о падении правящего режима;
- назначение военной хунты, призванной подготовить приход к власти нового правительства [Finer, 1988, с. 142].

Даже при изначально малой сумме задействованных единиц (в размере одного гарнизона или казармы) этот тип военного переворота отличался высокой результативностью и в большинстве случаев гарантированным бескровным завершением.

Развитие революционного процесса в начале 1820-х гг. имело еще одну важную особенность. Гражданское население не осталось безучастным к героическим усилиям военных и проявило активный интерес и сочувствие к делу инсургентов. С получением подкрепления из разных сегментов общества походы восставших военных отрядов разворачивались в массовые марши протеста, которые заставляли идти на уступки монархов и высших лиц из королевской администрации, восстанавливали конституции и парламенты. Победители были нацелены и на проведение социальных преобразований, однако не преуспели в этом по причине крайне малого срока, отмеренного им историей. Но и с такой оговоркой возбужденные ими перемены по своей значимости едва ли не превосходили известные социальные революции. При этом издержки были намного меньше, а образ революционных событий куда привлекательнее. Главные свершения были достигнуты без уличных боев, кровопролития и партизанских действий гражданского населения.

Какой же урок преподали военные революции властям предрежащим? Во-первых, они продемонстрировали солидарное поведение армейских группировок, расположенных в разных регионах страны, не связанных напрямую с повстанческим ядром, но при этом действующих в согласии с его целями. Во-вторых, они показали реальную возможность поставить правительства на колени без боевых операций и человеческих жертв, основанную лишь на эффекте армейского неподчинения приказам "сверху" и гражданского неповиновения. В-третьих, выявили способность военного сообщества привлечь на свою сторону симпатии и сочувствие гражданского населения.

Феномен военных революций пытались осмыслить основоположники марксизма, хотя и не уделяли ему большого внимания. В их представлениях революционность армии выглядела неким досадным недоразумением - отклонением от генеральной линии истории, связанной с социальным радикализмом угнетенных масс. К. Маркс был не слишком высокого мнения об испанских революционерах в униформе и скорее склонялся дезавуировать их опыт, нежели признать за ним определенную историческую перспективу: "Отрыв от верховного правительства, падение дисциплины, постоянные поражения, беспрестанные формирования и расформирования в течение шести лет - все эти явления роковым образом придавали испанской армии в целом преторианский характер и сделали ее одинаково способной превратиться в руках вождей в их послушное орудие или в бич населения" [Маркс, Энгельс, с. 744]. Это был предвзятый взгляд на вещи: он выхватывал только часть общей картины, связанную с политизацией армии, но не "замечал" того мощного социального резонанса, который вызвали по всей Европе революционеры в военной форме.

Гипотетическая возможность повторения испанского или итальянского сценария существовала и в России. Как и на Западе, принцип "снежного кома" здесь мог быть обеспечен за счет последовательного вступления в борьбу членов тайных обществ в Москве, на юге, а также подключения других взрывоопасных анклавов - например, военных по-

селений, донского казачества. Собственно, теоретические разработки декабристов предусматривали возможность вступления в борьбу групп участников, расположенных в различных географических точках. В одном варианте намечалось сначала добиться отложения от властей столичных гвардейских полков, а затем получить поддержку армейских гарнизонов в губерниях. В другом - предусматривалось сначала поднять восстание войск 3-го корпуса на юге, затем идти походом на Киев, Москву, попутно вовлекая в борьбу те силы, которым был свойствен "общий дух неудовольствия" [Восстание... 1927, с. 103 - 104]. Робкая дилетантская попытка осуществить этот замысел была проделана отдельными членами Южного общества и Общества соединенных славян, которые после поражения петербургских повстанцев подняли на мятеж Черниговский полк. Однако в реальной действительности план поэтапной военной революции рассыпался уже на подступах к его реализации.

Для начала был бездарно упущен неплохой шанс "оседлать фортуна" в столице, где находился костяк членов тайных обществ. Благоприятную фоновую обстановку для того, чтобы разыграть эту карту, создал сам правительственный лагерь. Генерал-губернатор М. Милорадович не предпринял ничего для того, чтобы "обезглавить" восстание в зародыше. Растерянный командир гвардейского корпуса генерал А. Воинов фактически пропустил мятежников на Сенатскую площадь и позволил им выстроиться в боевой порядок. Командир гвардейской пехоты К. Бистром удерживал егерей в казармах, сознательно давая фору мятежным частям. Принимая во внимание шаткие позиции Николая Павловича среди столичного генералитета, декабристам было не так уж и сложно даже с 3 тыс. штыков против 12 тыс. правительственных добиться перелома в свою пользу. Из преданных царю генералов - В. Левашова, И. Сухозанета и А. Бенкендорфа - в силу обстоятельств только последний мог предоставить реальную опору в виде подчиненной ему кирасирской дивизии, однако и она могла быть выведена из строя, так как здесь было много членов тайных обществ [Гордин, 1985, с. 50]. Первым делом революционным частям требовалось совершить уверенный марш-бросок на площадь, увлечь за собой колеблющиеся и отсеять ненадежные полки. При этом было не столь уж важно, что повстанцы были заперты на узком пространстве Сенатской площади и не могли совершать перестроений - как это традиционно объясняется в декабристоведении [Гордин, 1985, с. 258]. В действительности жанр военной демонстрации требовал не столько нестесненного маневрирования, сколько нагнетания обстановки массового противостояния и напряженной игры на нервах противника.

Для старых опытных членов тайных обществ, сосредоточенных в большинстве гвардейских полков, проведение такого устрашающего парада являлось простым делом техники. Нужна была лишь хорошая организация всех задействованных единиц: офицеров, готовых выполнить поставленную задачу, и подчиненных, понимающих свой маневр. Однако здесь-то и была сокрыта "ахиллесова пята" тайных обществ. Еще в преддверии восстания в ходе "инвентаризации" всех наличных сил обнаружился такой дефект движения, как слабая организационная связь рядовых членов с руководящим центром. Это дало эффект абсентеизма в решающий момент. Из-за массового исхода членов декабристское движение фактически проиграло битву с самодержавием еще до того, как мятежное каре выстроилось на Сенатской площади. В его рядах недоставало многих видных старых членов, в том числе старших офицеров.

Незадействованным в ходе восстания остался Измайловский полк, в котором насчитывалось шесть членов во главе с ротным командиром капитаном И. Богдановичем: не дождавшись обещанного прихода гвардейского морского экипажа во главе с А. Якубовичем, измайловцы присягнули Николаю I. Точно так же не рискнули выступить с открытым забралом против легитимной власти представители декабристской конспирации из Конно-гвардейского, Кавалергардского, Егерского полков, Генштаба. Большинство из них исправно выполняли приказы Николая I, внося свою лепту в разгром восстания. Таким образом, четыре полка и один гвардейский батальон, то есть ровно половина гвардейской пехоты, на которые 12 декабря твердо рассчитывали руководители восстания, на деле оказались фиктивной величиной [Гордин, 1985, с. 108].

Итак, организаторы тайного общества не только не сумели двинуть сомкнутые вооруженные ряды на политического противника, но даже не могли обеспечить физическую явку своих членов к месту действия. Апофеозом разложения революционного подполья явился отказ от своих ролевых функций диктатора восстания Трубецкого и его первых помощников - Булатова и Якубовича. А ставший вместо Трубецкого диктатором Е. Оболенский не имел ни сил, ни времени для того, чтобы вникнуть в оперативную обстановку и принять верные решения.

Не лучше северян показали себя в действии и южане, ранее нередко обвинявшие своих северных коллег в инертности. Исторический шанс выхода на политическую сцену не только не вызвал у них подъема сил, но поверг в состояние странной апатии. 13 декабря, когда дело запахло арестом, неукротимый Пестель покорно последовал приказу явиться в штаб 2-й армии в Тульчине, а заодно прихватил с собой флакон с ядом. Как грибы из дырявого лукошка, посыпались и другие члены тайного общества, которых братья С. и М. Муравьевы-Апостолы и М. Бестужев-Рюмин тщетно пытались подвигнуть на выступление. Верность революционному долгу доказали "соединенные славяне" - периферия, взятая на буксир Южным обществом в начале сентября 1825 г. Именно "славяне" - офицеры Черниговского полка, совершившего легендарный рейд обреченных по городам и местечкам Украины, оказались более "профессиональными" революционерами - людьми слова и дела, нежели их старшие по воинским званиям и политическому опыту товарищи-южане.

В сравнении с мятежными братствами Западной Европы, подготовившими перевороты с решающим участием военных, декабристское подполье в России обнаружило несостоятельность сразу по нескольким пунктам. Прежде всего это неспособность конкурировать с государственной машиной, быстро восстанавливаясь и заново включаясь в борьбу даже после понесенных потерь. В 1821 г. греки - члены конспиративной организации "Фелики Этерия", большая часть которых состояли на русской военной службе, подняли восстание в Молдавии и Валахии против турецкого владычества. Монархический "Интернационал" XIX в. - Священный союз двинул свои войска на восставшие массы. К 1822 г. при помощи военной интервенции очаги восстания были потушены на Апеннингах, а к 1823 г. - на Пиренеях и среди греков - подданных турецкого султана. Несмотря на неудачную развязку, эти движения не прекратились и при удобном случае снова возобновили свою деятельность. Так, разгромленные австрийскими пушками и штыками в 1821 - 1822 гг. карбонарские венты южной и северной Италии буквально через год-другой возродились, как птица Феникс из пепла, а к концу третьего десятилетия XIX в. были готовы сразиться с правящими режимами [История... 1970, с. 118]. Подавленные в 1823 г. с помощью французской армии Людовика XVIII силы военных инсургентов Испании ожили вновь уже на этапе первой карлитской войны (1834 - 1840 гг.). Именно с этого времени испанская армия превратилась в постоянно действующий фактор политики [Испанские... 1998, с. 333, 337, 352]. Точно так же, потерпев неудачу в антитурецком восстании 1821 - 1822 гг. в Молдавии и Валахии, греческие этеристы взяли реванш на исходе третьего десятилетия XIX в. в южной части Греции - Морее. А в 1830 г. с помощью русского оружия добились независимости Греции [Арш, 1965].

Другой недостаток дворянского подполья в России выявился в его неспособности к привлечению к своей деятельности выходцев из разных социальных страт. Социальное одиночество русских оппозиционеров также смотрелось аномалией на фоне умения западных революционных групп создавать широкие коалиции сил. Во многом эта особенность западных контрэллит была обусловлена усвоением опыта иллюминатов. Созданный в 1776 г. профессором из Баварии А. Вейсгауптом и просуществовавший только до 1784 г. орден иллюминатов заложил основы конспиративной работы нескольких поколений революционеров. Поставив конечной целью разрушение существующего общества со всем набором его институтов - государства, частной собственности, церкви и религии, традиционного брака, Вейсгаупт сделал ставку на могучую разветвленную организацию. Именно ей по мере вовлечения все новых членов из разных слоев общества предназначалось с течением времени заменить государственную машину и утвердить

новый социальный порядок [Ланда, 1975, с. 264 - 267]. Позаимствованная у масонов и иллюминатов установка на внедрение в различные сферы деятельности помогла западным экстремистским группам получить опору во многих сегментах социального поля. Таким направляющим центром, соединившим разные группы противников режима Фердинанда VII, в Испании служила масонская ложа "Великая мастерская", имевшая множество своих адептов в полках Кадиса - колыбели испанской революции. К 1819 г. единая масонская сеть объединяла офицеров действующей испанской армии и политически активную часть гражданского общества. В результате мятежные настроения кадисских военнослужащих в 1820 г., подогретые нежеланием отправляться на подавление колониальных восстаний в Новом Свете, широко распространились по всей стране. А выступление военных мятежников сыграло роль бикфордова шнура, взорвавшего политический строй всей страны [Тарле, 1958, с. 13 - 14; Майский, 1957, с. 113 - 114].

Не менее впечатляющий пример "сцепления" военных и гражданских оппозиционеров представили итальянские карбонарии, развивавшиеся с 1815 г. под сильным воздействием иллюминатской системы. Объединяя людей разных социальных групп на базе идеологии единой Италии, конституционного правления, социального равенства, это движение неуклонно расширялось благодаря внутренней солидарности и взаимной выручке. К "добрым кузнам", как именовали себя члены организации, стремились примкнуть чиновники, коммерсанты, стражи порядка ради престижа и установления ценных контактов [Дарол, 1998, с. 128; Ковальская, 1971]. Бескровные революции 1820 - 1821 гг., навязавшие трехцветные карбонарские кокарды всему правительственному лагерю, стали триумфом учения Вейсгаупта о мирном переходе к новому обществу с помощью тайных союзов.

В большой степени своему успеху тайные братства обязаны организационной культуре, заимствованной у иллюминатов. Строение этого ордена представляло собой сочетание масонских и иезуитских степеней. Вершина орденовой организации оставалась недостижимой для рядовых членов. Более того, по плану Вейсгаупта ее истинные цели, персональный состав должны были оставаться тайной за семью печатями. Тем самым обеспечивалась сохранность головного звена при любом неблагоприятном повороте дела и гарантировалась свобода рук руководителям организации [Вебстер, 2001, с. 13 - 15].

Степени масонских лож и иллюминатизированных сообществ первой четверти XIX в. (карбонариев, этеристов и др.) являли собой идеальную организацию их внутреннего пространства. С одной стороны, она позволяла руководящему органу регулировать движение членского состава, а с другой - обеспечивала "врастание" человека в нормативную структуру "подземного" мира. Возможность быстрого восхождения по иерархической лестнице таких союзов, референтные группы в лице вышестоящих степеней, стимулы в виде одобрения со стороны таинственной высшей власти - все это создавало альтернативу карьерного роста во "внешнем" мире. Такая альтернатива ценилась тем выше, чем более стесненным было легитимное возвышение в большом социуме - из-за сословных перегородок, системы предписанных статусов в обществе, различий в условиях приема на государственную службу и скорости продвижения для выходцев из социальных верхов и низов. Высокую надежность данной конструкции в глазах массовых участников движения гарантировали таинственная высшая власть, представлявшаяся всесильной и вездесущей, а также изощренная конспиративная техника.

Подобные параметры организации были чужды декабристскому движению, в особенности на заключительном этапе его истории. Справедливости ради отмечу, что в контурах, сопоставимых с западными образцами, все же сложилась ранняя декабристская организация - Союз спасения (1816 - 1818 гг.). В перспективе введения в России конституционной монархии и представительного правления, которые в период междоцарствия предполагалось вытребовать у наследника престола, Союзу предстояло превратиться в военизированное формирование, в котором предусматривались строгая дисциплина, соподчиненность членов, подразделявшихся на Совет боляр, на боляр, на мужей и братьев. При посвящении в каждую очередную степень соискатель приносил

клятву по масонскому образцу [Нечкина, 1955, с. 160 - 161]. Однако эти элементы организации, как устаревший реквизит, были отброшены на этапе Союза благоденствия.

Ввиду отсроченного на двадцать лет переворота члены организации занялись подготовкой общественного мнения на ниве просветительства и благотворительности. При такой смене ориентиров безвозвратно утрачивались навыки конспиративной работы, начатки субординации, а сама организация лишалась нормативного контроля над личностными диспозициями своих членов. Разделительные линии теперь проходили не по вертикали - степеням, а по горизонтали - "отраслям", то есть по конкретным областям деятельности, которые определяли для себя участники ("человеколюбие", "образование", "правосудие", "общественное хозяйство") [Пыпин, 2001]. Все внутреннее строение было обдуманно защищено от расслоения членского состава. Однако столь последовательный эгалитаризм бил по самой организации, истощая ее мобильность и революционную энергетику. Неудовлетворенность подобной ситуацией испытывали и некоторые из членов тайного общества, пытаясь нащупать недостающую точку опоры вне Союза благоденствия. Вплоть до его роспуска в 1821 г. многие сохраняли двойное членство - в тайном обществе и масонских ложах (Михаила Избранного, Трех добродетелей и др.) [Пыпин, 2001, с. 343].

Недостатки Союза благоденствия были призваны преодолеть поздние декабристские организации - Южное и Северное общества, взявшие курс на военную революцию по западному образцу. Однако на практике они лишь довершили ту внутреннюю диссоциацию, которую заложил Союз благоденствия. Отказ от иерархического принципа построения, безбрежная демократия, увязание актива в жарких диспутах вместо директивного планирования предстоящего выступления, ничтожный ресурс влияния руководящего органа - Директории - таковы были реалии Северного общества. Они неприятно поразили Пестеля, который в 1824 г. нанес визит северным товарищам.

Но, похоже, и самому Пестелю в зоне собственной ответственности не удалось добиться желанного порядка. Боевой потенциал Южного общества подрывали постоянные стычки Пестеля и С. Муравьева-Апостола. Кроме того, несмотря на радикализм политического мышления, автор "Русской правды" проявлял порой неумеренное благодушие и невзыскательность в пополнении круга соратников. При таком подходе к делу в ряды организации было не так уж трудно затесаться предателю, что собственно и произошло в 1824 г.

Итак, на всем временном и географическом протяжении декабристского движения энтропийные процессы взяли верх над стремлениями к интеграции и консолидированной борьбе. Убедительную зарисовку того организационного разброда, который царил в движении накануне восстания, дали в своих показаниях сами же его участники, попавшие под следствие. Так, из 26 человек, задержанных в первые дни после разгрома восстания, всего лишь четверо в своих показаниях апеллировали к тайному обществу (А. Сутгоф, К. Рылеев, С. Трубецкой, А. Бестужев) [Потапова, 2000, с. 299]. Впоследствии только 48 из 250 подследственных посчитали возможным заполнить такую графу в протоколе дознания, как "в тайное общество принят".

Таким образом, более трех четвертей всех привлеченных по делу декабристов категорически отмежевались от постоянного членства, а свое отношение к радикальной оппозиции переформулировали в "знакомство". Эта линия поведения отнюдь не определялась стремлением выгородить себя в глазах следствия и суда. С большой степенью вероятности можно предположить, что она отражала реальные факты дискретных, слабо оформленных связей участников подполья. При этом представленная картина устройства, планов и деятельности тайного общества столь резко различалась от показаний к показаниям, что наводила на мысль о сознательной фальсификации ради того, чтобы обеспечить следствие обвинительным материалом. Не лишено оснований и предположение современной исследовательницы о том, что следственная версия о существовании влиятельного, хорошо структурированного тайного общества, была навеяна образом, почерпнутым из конспирологической публицистики и художественной литературы [Потапова, 2000, с. 320].

Залучив в свои сети значительное количество неофигов, движение декабристов не сумело ни сберечь этот фонд, ни обеспечить его укрепление на революционных позициях. На поверку лидеры радикального лагеря в России оказались командующими без войска. В сравнении с ними главари мятежных братств на Западе, напротив, показали себя мастерами по части уловления человеческих душ. В отечественной исторической литературе отмечалось, что тайные общества европейских стран во втором-начале третьего десятилетия XIX в. привлекали образованных граждан как социально-культурный институт, раздвигавший границы повседневности при помощи романтического антуража [Жуковская, 2001, с. 53 - 54]. Не отрицая этого момента, отмечу, что внешний, романтический флер был лишь частью субкультуры "подземного" мира, притом такой, которая была ориентирована на завлечение клиентуры. Действительно, на фоне полицейских, либо полуполицейских режимов с их мизерными возможностями политического участия граждан, с будничной рутинной как пожизненным уделом "маленького человека", сверкающая гиперреальность тайных обществ представлялась соблазнительной. Именно на нее, как на хорошую приманку, чаще всего "покупался" случайный визитер. Однако для того, чтобы вовлечь его в работу всерьез и надолго, требовались иные средства сильного и долгосрочного действия.

Внутренняя власть союзов строилась на психологическом воздействии на своих членов - через совместные эмоциональные переживания на собраниях, сходках, мистериях, при произнесении правил добродетели и заветов. Таким путем шло преобразование установок и ценностных ориентации, или, по терминологии Вейсгаупта, "перековка" личности, а также постоянное возобновление норм, ценностей братства, и в конечном итоге - подтверждение его собственного тождества. И так, на практике выходило, что особое организационное строение в виде ступенчатой конструкции с изолированным центром, обрядово-ритуальный комплекс, символы, коды общения являлись такими же функциональными величинами, как политическая программа, устав и численность общества.

Почему декабризм прошел мимо опыта иллюминатов и в конечном счете отказался от наследия масонства? Парадоксальность этой ситуации возрастает, если вспомнить о переполненной "информационной базе", доступной декабристам. Во-первых, баварское правительство, опубликовав материалы процесса над иллюминатами, снабдило подпольщиков всего мира ценными инструкциями по формированию и работе подрывных групп. Во-вторых, не менее значимым источником информации являлись прямые контакты с рассеянными по свету агентами иллюминатств. В-третьих, декабристскому кругу были знакомы труды последователей этого течения, например, книга сподвижника Вейсгаупта - Ш. Бонневила [Гордін, 1999, с. 27]. В-четвертых, произвольная пропаганда дела иллюминатов в сочинениях напуганных консерваторов, например, четырехтомный труд о тайных обществах аббата О. де Баррюэля. Переведенный на 12 языков, в том числе русский, и многократно изданный в конце XVIII-начале XIX в., пасквиль Баррюэля помог "раскрутке" многих радикальных группировок - последние охотно брали на вооружение предлагавшиеся им способы деятельности [Энтин, 2001, с. 73]. Однако все хорошо известные клише не пользовались популярным спросом у русских вольнодумцев.

Причина того, что декабризм не вписался в формат иллюминатства и политизированного масонства, крылась в несовместимости установок данных общностей с ментальным и поведенческим кодом российских оппозиционеров в воинских мундирах. Космополитизм, братание с представителями враждебных государств, релятивизм моральных принципов, присущие западным "кротам истории", были жестко табуированы в сознании отечественного офицерства. Это же относилось и к социальной всеядности и транснациональным связям масонства. Кастовость русского офицерского корпуса плохо сочеталась со стремлениями к братскому союзу поверх этнических и социальных барьеров. По подсчетам отечественных исследователей, из 3267 масонов в России первой четверти XIX в. русские составляли чуть более половины, остальные были иностранцы, главным образом немцы. Кроме военных, это были купцы, мастеровые, представители свободных профессий [Брачев, 2000, с. 223 - 224; Толь, 2000, с. 117]. Такое заполнение

лож привело к тому, что еще в 1818 - 1819 гг., то есть до правительственного запрещения масонства от 1822 г., их площадки покинули большинство офицеров декабристского круга [Брачев, 2000, с. 234].

Еще одну степень защиты от ресоциализации на базе деструктивных идеологий и форм организации создавала включенность офицеров в реализацию социальных проектов власти со времен Петра I. Стратификация на базе Табели о рангах и соответствующие ей позиционные отношения внутри служилого корпуса являлись альфой и омегой мышления декабристов-офицеров и создавали непреодолимый барьер для их интеграции в общность, сконструированную по иным образцам. Неискоренимость стандартов поведения, усвоенных на службе с молодых ногтей, четко зафиксировал неподвзятый наблюдатель - эмиссар от Общества соединенных славян, познакомившийся в 1825 г. ближе с южанами: "Члены Южного общества действовали большей частью в кругу высшего сословия людей; богатство, связи, чины и значительные должности считались как бы необходимым условием для вступления в Общество... так как члены Южного общества были большей частью люди зрелого возраста, занимавшие довольно значащие места и имевшие некоторый вес по гражданским отношениям, то для них было тягостно самое равенство их свободного соединения; привычка повелевать невольно брала верх и мешала повиноваться равному себе и тем более препятствовала иметь доверенность в сношениях по Обществу с лицами, стоящими ниже их в гражданской иерархии" [Горбачевский, 1963, с. 32 - 34]. А инерция присяги неодолимо мешала использованию экстремистских методов по отношению к легитимному политическому порядку. Великий военный проект Петра I, утвердивший абсолютный примат государственных ценностей, и через сто лет пересиливал прельщения коварного гения Вейсгаупта.

Именно в этом пункте и заключалось серьезное отличие русских фрондеров от их зарубежных современников - организаторов западных военных революций. Если те без колебаний брали на себя роль терминаторов режима, ставя групповые и корпоративные интересы выше государственных, то декабристы то и дело соскальзывали с позиций оппонентов на позицию соучастников в существующей политической организации. По определению английского социолога Ч. Тилли, первые действуют вне рамок нормативного порядка, вторые стремятся оказывать влияние на политику, не покидая ее почвы [Tilly, 1978]. Декабристская среда так и не пришла к осознанию себя контрэллитой: даже поверженные участники тайных обществ, находясь под следствием, похоже, не изжили иллюзий о возможном плодотворном сотрудничестве с властью. Это касалось и ключевых фигур движения - Пестеля, Трубецкого, Бестужева-Рюмина, которые продолжали верить в высочайшее прощение и клялись строить вторично дарованную жизнь на началах "верности, усердия и полной и исключительной преданности личности и семейству его величества" [Декабристы, 1925, с. 203].

Именно с учетом высокого коэффициента полезного действия самодержавия большинство арестованных декабристов давали откровенные показания о мотивах, целях своей деятельности, делились мыслями о неотложных общественных нуждах (кстати, кое-какими из них Николай I воспользовался в своей последующей политике). В этом плане можно вполне согласиться с мнением А. Преснякова о том, что декабристы "в своих письмах - завещаниях Николаю как бы передавали ему в руки свое недоделанное дело" [Пресняков, 1990, с. 274]. Таким образом, недостатки декабристов-революционеров были продолжением достоинств декабристов - кадровых офицеров действующей армии.

Отсутствие многочисленных борцов за свободу на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. вполне объясняет закономерность, установленная Э. Фроммом в исследовании об анатомии деструктивного поведения. Согласно Фромму, однозначную реакцию нападения формирует страх максимальной степени интенсивности. Он охватывает человека, действующего в жестких условиях, безальтернативных с точки зрения выбора форм борьбы. Снижение уровня страха вследствие ослабления внешнего прессинга делает наиболее вероятной тенденцию к бегству при условии, что и сам индивид не готов рискнуть своим положением в обществе [Фромм, 1998, с. 260, 532]. Иными словами,

"штрейкбрехерство" многих декабристов, с одной стороны, было побочным следствием более комфортной среды в сравнении с той, в которой действовали дворцовые заговорщики XVIII в., с другой - более сильной самоидентификацией с системой государственной службы, нежели с революционным подпольем.

В конечном счете, эти факторы и определили судьбу декабристского выступления, не позволив российским военным реформаторам апробировать на практике свои преобразовательные программы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ари Г. Л. Тайное общество "Фелики Этерия": из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М., 1965.

Брачев В. С. Русское масонство XVIII-XX вв. СПб., 2000.

Вебстер Н. Х. Всемирная революция. Заговор против цивилизации. Киев, 2001.

Верные сыны Отечества. Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге. Л., 1982.

Восстание декабристов. Документы. Т. 17. М., 1980.

Восстание декабристов. Материалы. Т. 4. М. -Л., 1927.

Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963.

Гордин Я. А. Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре. СПб., 1999.

Гордин Я. А. События и люди 14 декабря. Хроника. М., 1985.

Дарол А. Тайные общества. М., 1998.

Декабристы. 1825 - 1925. Сборник статей и материалов. М., 1925.

Жуковская Т. Н. Тайное общество декабристов: европейские влияния и российский контекст // Империя и либералы. СПб., 2001.

Испанские короли. 18 исторических портретов от средних веков до современности. Ростов-н-Д., 1998.

История Италии. В 3 т. Т. 2. М., 1970.

Киянская О. И. Декабрист Михаил Бестужев-Рюмин // Вопросы истории. 2000. N 6.

Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии. 1808 - 1821 гг. М., 1971.

Ланда С. С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816 - 1825. М., 1975.

Майский И. М. Испания в 1808 - 1917. Исторический очерк. М., 1957.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10.

Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.

Нечкина М. В. Движение декабристов. В 2 т. Т. 1. М., 1955.

Потапова Н. Д. "Что есть истина?" Критика следственных показаний и смена исторических парадигм (Еще один взгляд на проблему "движения декабристов") // Исторические записки. Т. 3 (121). М., 2000.

Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М. -Л., 1926.

Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990.

Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. Приложения.

Рудницкая Е. Л. Феномен Пестеля // Империя и либералы. СПб., 2001.

Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

Тарле Е. В. Военная революция на Западе Европы и декабристы // *Тарле Е. В.* Соч. в 12 т. Т. 5. М., 1958.

Толь С. Д., графиня. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов.

Толь С. Д., графиня. Ночные братья. М., 2000.

Фишер Р., Юри У. Путь к согласию (соглашение без ущерба для договаривающихся сторон) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1998.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998.

Экшут С. А. В поисках исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994.

Энтин Дж. Теории заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2001. N 1.

Finer S.E. The Man on Horseback. The Role of the Military in Politics. Boulder (Col), 1988.

Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Addison, Wesley, 1978.